

Глава 1

Сидни

Моменты, меняющие жизнь, редко заявляют о себе заранее. Вместо приветствия они предпочитают подкрасться и ударить тебя по лицу. Вот так это случилось со мной. День начинался как обычно. Пока не изменился. Пока не превратился одновременно в лучший и худший день в моей жизни.

— Сидни, посмотри на меня, — спокойно приказал Фрэнк, сидя по другую сторону стола.

Фрэнк Блэкстоун всегда был спокоен и постоянно отдавал приказы, поэтому я проигнорировала просьбу и продолжила набирать текст в телефоне. Небольшая загвоздка в контракте на недвижимость, которую мы приобретали — говоря «мы», я имею в виду «Блэкстоун Холдинг», требовала внимания. По всей вероятности, мне снова придется работать в выходные, но такова была участь главного юриста компании. Фрэнк всегда что-то покупал или продавал, и я знала, во что ввязываюсь, когда соглашалась на эту работу. Это не только не беспокоило меня, но и даже доставляло удовольствие.

— Я сказал, посмотри на меня, Сидни.

Подняв указательный палец, я продолжила печатать другой рукой. Несколькими минутами ранее я пыталась перенести нашу обычную пятничную встречу, но мне в недвусмысленных выражениях сказали, чтобы я без промедлений тащила задницу в его кабинет. И вот я здесь — без промедлений уселась в кресло напротив него, несмотря на то, что проблему с контрактом нужно было решить до конца недели.

— «Уилсон и Бош» пытаются в последнюю... минуту... внести изменения... убудки...

Быть женщиной в сфере, где доминируют мужчины, непросто как минимум потому, что тебя часто недооценивают и к тебе редко проявляют заслуженное уважение. Однако меня это никогда не беспокоило. Напротив, я использовала это в своих интересах. За годы я привыкла к несправедливости и была удивительно толстокожа, когда дело касалось работы. Однако эта одиннадцатичасовая переписка казалась откровенным оскорблением моего интеллекта. Вскоре «Уилсон и Бош» придется понять, с кем они имеют дело.

— Я умираю.

— Просто дай мне еще *одну-у-у* минуту, Фрэнк...

— Положи телефон, Сид. Я не собираюсь просить дважды.

Нетерпение в его голосе подсказало, что пора закругляться. Фрэнк был из тех, кого лучше не заставлять ждать.

Нажав «Отправить», я положила телефон на антикварный стол из орехового дерева, который отделял меня от босса, и подняла взгляд, встретившись с тем-

ными глазами человека, которого боготворила. Вздохнув, он откинулся на спинку кресла. Как и сам владелец, кабинет Фрэнка был эклектичным. Мебель — американский колониальный антиквариат, на стенах — картины периода сюрреализма, на полу — персидские ковры.

— Готово. Что ты там говорил?

Он поправил французские манжеты брендовой белой рубашки Turnbull & Asser, сложил ладони и положил их на подтянутый живот.

— Я сказал, что умираю.

Улыбка исчезла, мне понадобилось время, чтобы понять смысл его слов. Это, должно быть, шутка.

— Очередной розыгрыш? Увы, я не настроена веселиться, потому что впереди долгий день и мне действительно нужно немного подкрепиться, прежде чем я ознакомлюсь с обновленным предложением и удостоверюсь, что там нет никаких подводных камней.

Я не смогла скрыть скептицизма ни в лице, ни в голосе. И я бы не вела себя так, если бы человек, сидящий передо мной, не был известен своими розыгрышами. Однажды Фрэнк устроил роскошную вечеринку для тысячи богатейших людей мира, а затем отправил им счет за их долю расходов. Правдивая история. Когда они отказались платить, он пригрозил опубликовать статью об этом в своих газетах. Фрэнку принадлежали целых три. Все немедленно перевели деньги, и Фрэнк пожертвовал десять миллионов долларов организации «Поиск детей Америки».

Была ли я втайне этим довольна? Черт возьми, да, я была в восторге. Излишне говорить, что розыгрыши

Фрэнка казались еще веселее, когда в них мне отводилась роль его сообщника. Но теперь, когда шутка коснулась меня, я не ощутила ничего похожего на радость.

— Если повезет, смогу прожить еще примерно год. — Он вздохнул. — Но я бы не стал на это сильно рассчитывать.

Я не могу описать все чувства, которые испытала, услышав слова Фрэнка. Попытка сохранить самообладание оказалась провальной: какая бы сила ни помогала мне оставаться спокойной и собранной, она исчезла. Ссутулившись в кожаном кресле с откидной спинкой, я, сильная духом женщина в черном костюме Jil Sander, чувствовала сухость во рту и то, как по спине одна за другой стекают капельки холодного пота. Причина этого крылась в том, что я знала Фрэнка лучше, чем саму себя, и выражение его лица говорило, что сейчас он не валял дурака.

Фрэнк Блэкстоун — не только мой босс. Он совмещал в себе множество личностей. Он был мне как отец. Наставник. Друг. Самый близкий человек, который у меня когда-либо был. И самое главное, он единственный, кто никогда меня не подводил. Я любила его. Он взял к себе под крыло только что закончившую юридический факультет выпускницу и подарил ей возможность добиться успеха. Я воспользовалась этим шансом: быстро поднялась по карьерной лестнице в «Блэкстоун Холдинг» и стала правой рукой Фрэнка. Назначение на должность главного юрисконсульта крупной компании в тридцать четыре года было дости-

жением, которым мало кто мог похвастаться. И за это я буду вечно ему благодарна.

— Что с тобой? — Находясь в шоке, я с трудом выдавливала из себя слова, мой голос звучал непривычно глухо.

Тишина становилась все более и более гнетущей, пока мы смотрели друг на друга. Так много невысказанных слов повисло между нами. Никто не хотел признать, что моменты, подобные этому, когда мы сидели за столом и разговаривали, скоро исчезнут.

— Меланома.

Фрэнк обладал внушительной фигурой: крупное телосложение, широкие кости, как у одного из мужчин с горы Рашмор*, и соответствующий авторитет. Его рост составлял шесть футов три дюйма**, и это в семьдесят один год. Вполне возможно, в молодости Фрэнк был еще выше. В дополнение ко всему он никогда не боялся испачкать руки. Однажды я видела, как он поменял колесо на своем «Роллс-Ройсе Фантом» менее чем за полчаса на обочине улицы Рузвельта — в час пик. Стоит ли говорить о том, что водитель, все это время суетливо круживший вокруг начальника, решительно настроенного справиться без посторонней помощи, был поражен?

* Гора на юге США, известная тем, что в ее гранитной породе высечен барельеф высотой 18,6 метра, содержащий скульптурные портреты четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна. (Здесь и далее прим. пер.)

** 190,5 см.

И все же сейчас он показался мне меньше, чем обычно.

Впервые с тех пор, как я познакомилась с ним, Фрэнк Блэкстоун, сидя в огромном кресле, изготовленном на заказ, чтобы подчеркнуть статус человека, который построил глобальную компанию с нуля, выглядел на свой возраст.

— Но... ты ведь победил рак...

Его внимание было приковано к панорамному окну, за которым раскинулся серый и промозглый горизонт Манхэттена. С этой высоты были видны только крыши. Он намеренно спроектировал кабинет представительского люкса на верхнем этаже, чтобы его конкуренты знали, что он всегда будет смотреть на них свысока. Я считала, что это несколько пафосно, но, в двух словах, в этом был весь Фрэнк.

— Рецидив.

Видя его так спокойно принимающим ситуацию, я расстроилась и почувствовала себя бессильной. Отчаяние — одна из эмоций, с которыми я не очень хорошо справляюсь.

— Фрэнк...

Он посмотрел на меня, и его лицо изменилось. Перемена произошла молниеносно. Я не знала, что на это повлияло, но уязвимость, которую оно выражало мгновение назад, сменила холодная как сталь решимость. Этот взгляд был хорошо мне известен — тот самый, что появлялся у Фрэнка, когда он намеревался заключить деловую сделку и был готов пойти ради этого на что угодно. Я не знала, что делать. Мои соб-

ственные эмоции были словно американские горки, и я еще не успела пристегнуться для поездки.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня.

Интонация в его глубоком голосе вытряхнула меня из тяжелых мыслей и вызвала обостренное чувство осознанности. Просьбы Фрэнка обычно варьировались от безобидных до смертельно опасных. Одним и тем же спокойным тоном он мог попросить *принести ему стакан воды* или же *совершить нечто, очень напоминающее уголовное преступление*, и никогда не знаешь, чего ждать.

— Мне нужно убедиться, что «Блэкстоун» останется под семейным контролем. Я не уверен, что по отношению к Марджори правление поступит правильно.

Марджори...

Мое сердце сжалось от одной мысли о ней. Они с Фрэнком были неразлучны. Все еще держались за руки на публичных мероприятиях. Жена Фрэнка была одной из самых добрых женщин, которых я когда-либо встречала.

— Она в курсе?

— Да... Мы узнали еще в сентябре.

Сейчас была первая неделя декабря. Мое замешательство быстро сменилось гневом и обидой, я ощутила себя преданной. Фрэнк никогда ничего от меня не скрывал. По крайней мере до сих пор.

— Ты знал об этом несколько месяцев и не сообщил мне — своему главному юриконсульту? Должна сказать, я немного зла.

Кресло заскрипело, когда Фрэнк слегка откинулся, его взгляд стал отрешенным.

— Мне требовалось время.

Это был самый загадочный ответ, который он когда-либо мне давал.

— Время для чего? Что сказали врачи? И почему ты сейчас не у доктора Андерсона? Тебе нужно бороться!

Лучшая защита — это нападение. Фрэнк научил меня этому. И все же он совсем не выглядел так, будто собирался всеми силами победить болезнь.

— Сначала атакуй, потом думай о последствиях. Помнишь? Ты годами внушал мне это. *Годами*, Фрэнк. И теперь просто собираешься тихо уйти в закат?

— Успокойся, — мягко произнес он. — У меня осталось не так много времени, и я не собираюсь тратить его на споры с тобой.

Это выбило из меня весь дух борьбы. Вместе с разочарованием и силой.

— Мне жаль. Я просто... не могу в это поверить.

— Я тоже буду скучать по тебе, малышка. — Его взгляд был наполнен сочувствием. Между нами возникло понимание. Горько-сладкая ностальгия. Ни один из нас не был склонен к эмоциональности, однако в тот момент мы сидели друг напротив друга, не скрывая одолевающие нас чувства. — Я хочу убедиться в том, что, когда меня не станет, не возникнет сложностей с наследованием бизнеса. И что дело не дойдет до суда.

Погрязнув в собственном горе, уже оплакивая потерю единственного человека, на которого всегда могла положиться, я рассеянно кивнула. Не было ни-

каких сомнений — я сделаю все, чего бы Фрэнк ни попросил. Он мог рассчитывать на все, что было в моих силах.

Существовал только один человек, который мог вступить в наследство, — его сын Скотт. Заслуживал он этого или нет, не имело значения. Девин, дочь Фрэнка, была счастлива в браке с гением-технарем и жила в Силиконовой долине. Как мать четырех дочек она не проявляла практически никакого интереса к «Блэкстоун Холдинг». Что касалось ее брата, то о Скотте я не могла сказать ничего хорошего, потому что... Ну, грубо говоря, Скотт Блэкстоун был неудачником. И как бы я ни любила использовать это слово по поводу и без, в данном случае оно было уместно.

Я познакомилась с очевидным наследником более десяти лет назад, на свадьбе дочери Фрэнка, и, к счастью, с тех пор почти с ним не встречалась. Скотт был ходячим клише: альфа-самцом (на самом деле гордым членом ассоциации пещерных людей с дубинкой в руках), обращавшимся к каждой женщине — независимо от того, знал ее имя или нет, — «куколка». Ну серьезно, это был две тысячи девятнадцатый, кто еще так делал?

По сути, он был богатеньким засранцем, который тратил время на случайный секс, путешествуя по миру в поисках наикрутейших вечеринок и приключений. Противоположность всему, что я считала достойным. Не говоря уже о чрезмерном, рекордных размеров, эго.

По словам Скотта, каждая женщина, которой посчастливилось оказаться на его пути, растекалась у его ног лужей взвинченных гормонов. Однажды

он даже уличил Диану, бывшую секретаршу Фрэнка, в том, что она поглаживала его «товар». Незадолго до этого, упокой Господь ее душу, Диана скончалась от сердечного приступа в нежном возрасте шестидесяти девяти лет, сидя за своим рабочим столом.

Да, этот человек был невыносим. Но я бы вытерпела его — ради Фрэнка. Я бы помогла Скотту войти в роль почетного генерального директора «Блэкстоун». Разумеется, он стал бы им только номинально, потому что никто в совете директоров не позволил бы Скотту делать что-либо, кроме как решать, в каком ресторане следует провести корпоративную праздничную вечеринку. И даже это было сомнительно из-за вполне реальной опасности, что Скотт выберет высококлассный стриптиз-клуб.

— Ты говорил со Скоттом?

— Я не смог с ним связаться.

Губы Фрэнка сжались в тонкую линию, а морщинки вокруг глаз стали более заметными. Он устало выдохнул, что случалось часто, когда он говорил о единственном сыне.

— И как ты себе это представляешь? Он сможет принимать хоть какие-то ответственные решения?

Фрэнк знал, что это было просто смешно. Скотт за всю свою никчемную жизнь не проработал ни одного дня. Честно говоря, у меня были сомнения относительно того, как долго он продержится на почетной должности. И дело было даже не в недостатке интеллекта. Единственное, чего не хватало Скотту, — это характера.

— Я передаю тебе контрольный пакет акций, чтобы ты смогла действовать как доверенное лицо Марджори... Я хочу, чтобы ты заняла мое место.

В ушах зазвенело, затем раздался хлопок. Как будто мозг перегрелся и отключился. Я начала смеяться. Отчасти с облегчением, отчасти нервно.

— Теперь я точно знаю, что это розыгрыш. Фух.

Я провела тыльной стороной ладони по лбу. Никто не любил драму больше, чем Фрэнк, наверняка происходящее — странная, затянувшаяся шутка.

— Какое облегчение. Ты подловил меня, Фрэнк. Но серьезно. У меня куча работы, которую нужно успеть...

Ладонь размером с огромную лапищу опустилась на рабочий стол, шлепок разнесся по всему кабинету. Я вздрогнула от неожиданности, от веселья не осталось и следа.

— Это не шутка.

— Ладно... Ладно, — сказала я, капитулируя. — Прости... — Сделав глубокий вдох, я попробовала снова: — Ты знаешь, я люблю тебя, Фрэнк, и я польщена. Я бы сделала для тебя все что угодно. *Абсолютно все*. Но мое назначение на должность директора гарантирует, что дело дойдет до суда.

— Все верно. Вот почему ты выйдешь замуж за Скотта.

Звон в ушах вернулся. Возможно, я неправильно его расслышала?

— Что, повтори?

— Ты выйдешь замуж за моего сына.